

НОВЫЕ СОСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В XIX ВЕКЕ

© 2019

Тулешова Улжан Жангелдыновна, докторант факультета истории, археологии и этнологии
Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. Создавая в XIX веке империю, российская власть приоритетной задачей считала выстраивание единообразной политической и социальной системы по всей имперской территории, включавшей совершенно разные регионы. Казахская степь в составе империи представляла собой отличный от центра социально-культурный тип, основанный на кочевом скотоводческом хозяйстве. На фоне сложных методов строительства унифицированной империи одним из важных вопросов являлась государственная политика, способствовавшая созданию в Казахской степи социально-политической системы, наиболее приближенной к модели империи. В данной статье исследуется характер социальных изменений и процесс формирования новых сословий (дворянство и почетное гражданство) в Степи в контексте административной, социальной политики российского правительства. Социальные изменения на казахских землях начались с преобразованием административно-территориального устройства региона в начале XIX века. С введением новой формы политического управления и включением казахского региона в чиновническую систему империи, традиционное социальное устройство казахов трансформировалось и стали формироваться новые сословия по имперскому образцу – чиновники, дворяне и почетные граждане. Процесс формирования и историческая сущность этих сословий среди казахов-кочевников отличались от процессов, происходящих среди оседло-земледельческих народов империи. В этом отношении наблюдается симбиоз традиционных кочевых и имперских социальных особенностей, так как казахское население продолжало вести кочевой образ жизни и сохраняло родоплеменное устройство, а царское правительство поддерживало различия среди инкорпорированных групп. Важным аспектом в социальной трансформации Казахской степи является инкорпорация казахской элиты в привилегированные сословия (дворянство и почетное гражданство) Российской империи. В статье показан процесс вхождения казахских султанов в дворянское сословие империи и особенности казахского дворянства. Рассмотрен процесс адаптации местного населения к новым социальным преобразованиям, изучение которого позволило раскрыть используемые царской властью методы, направленные на включение региона в имперское пространство, а также показать особенности восприятия новой социальной системы казахским населением, степень ее схожести с имперскими сословиями.

Ключевые слова: социальная политика Российской империи; привилегированные сословия Российской империи; административные реформы в Казахской степи; инкорпорация казахской элиты; султаны; потомственное и личное дворянство; почетные граждане; дворянский титул; социальная адаптация.

Введение

В настоящее время в мировой имперологии особенно актуальным является вопрос о сложных системах отношений центра и периферии империи и особенностях имперской политики в разных регионах. В контексте этих вопросов особенно важно, на наш взгляд, проанализировать используемые в регионах имперские методы, направленные на формирование региональных социально-политических устройств по модели империи. Изучение социальной политики царского правительства в отношении Казахской степи, в результате которой существенно изменилось не только социальное устройство казахского общества, но и сознание кочевника-казаха, позволит раскрыть особенности применяемых империей методов по включению региона в единое имперское пространство. Кроме того, целенаправленное исследование социальных преобразований в Степи дает возможность проследить процесс вхождения кочевого общества в имперскую систему.

О серьезном интересе к изучению сословной структуры Российской империи в последние десятилетия свидетельствует появление значительного числа исследований по данной теме [1–3], которые выявили другие важные аспекты этой проблемы, требующие пристального внимания. Одним из таких аспектов является изучение процесса встраивания нерусских элементов в сословную структуру империи,

в том числе – проблема инкорпорации местных элит в привилегированные сословия и взгляд на социальную систему империи из окраин.

Как известно, с начала XIX века российское правительство более основательно занималось вопросом создания общеимперского единого пространства. К этому времени, согласно утверждениям ряда авторов [1; 2], сословная система в Российской империи была окончательно сформирована. Окраины в составе империи, которые являлись частью этого пространства, необходимо было в эту систему встроить. Как правило, процесс кооптации других народов в социальный порядок империи начинается с инкорпорации местной элиты. В исторических трудах, посвященных сословной структуре имперской России, упоминается об интеграции элит и о роли посредников, однако лишь в небольшом количестве исследований анализируются социальные преобразования в окраинах и процесс их адаптации к новому устройству. Одним из первых к проблеме сословной системы империи обратился В.О. Ключевский. В своих лекциях «История сословий в России» [4] он дает сжатый обзор и анализ исторических процессов, создававших и видоизменявших сословный строй в России. Общие работы по истории российского дворянства представляют некоторые сведения о формировании национальных дворянств в империи. Например, в трудах М. Яблочкова [5], Е.П. Карновича [6]

присутствуют некоторые упоминания о национальном, однако его появление рассматривается только как следствие территориального расширения Российской империи. Более широкие сведения об интеграции казахской элиты и социальных преобразованиях в казахском обществе даются в трудах российских авторов, посвященных истории Казахской степи. В своих работах Л. Мейер [7], А.И. Добросмыслов [8], И. Крафт [9] рассматривали социальное устройство казахского общества до реформ начала XIX века и перемены, произошедшие в нем в пореформенный период. В контексте этих преобразований авторы упоминают о посреднической роли местной элиты – казахских султанов и дают биографические сведения о некоторых из них, одновременно являвшихся представителями казахского дворянства. Примечательно, что султаны в указанных трудах не рассматривались авторами как дворяне. Значительным трудом советской исторической науки по изучению российского дворянства является фундаментальное исследование А.П. Корелина [10], в котором автор анализирует элиту разных национальностей. Ученый утверждает, что права и статус национального дворянства зависели от отношения правительства к определенным народам. Помимо трудов по российскому дворянству, интерес представляют исследования советских историков, посвященные социально-политическому строю казахского общества в период империи. В них приводятся обширные сведения о новых сословиях в кочевом обществе казахов, включая дворянство. Исследователи С. Асфендияров [11], Е. Бекмаханов [12], С. Зиманов [13] в своих трудах характеризуют преобразования в социально-политическом строе традиционного казахского общества, происходившие в результате реформ. Изучая социальные отношения данного периода, авторы затрагивают проблему интеграции казахской элиты в высшие имперские сословия. К примеру, одним из первых об инкорпорации казахской кочевой элиты в дворянство писал казахский ученый начала XX века С. Асфендияров. Автор отмечал, что политика привлечения казахской аристократии на сторону царской власти является такой же важной мерой, как и военная. Ученый отмечал, что «первоначально царизм, помимо полного захвата силой, проводил меры подкупа казахских ханов и феодальной аристократии (султанов), с помощью которых намеревался закрепить свое господство в Степи и обеспечить торговые пути в Среднюю Азию. И последняя забота, как видно из приведенных цитат, занимает чрезвычайно большое место во всех принимаемых мерах» [11, с. 150]. Таким образом, в советской историографии заметны попытки изучения разнородной политики империи в отношении окраин, включая инкорпорацию местной элиты, многонациональность российского дворянства, социальные перемены в Степи пореформенного периода. Указанные исследования и утверждения их авторов представляют важный пласт в изучении социальной трансформации Степи. Однако в них не были подробно проанализированы процесс вхождения местной элиты в привилегированные сословия империи и социальное преобразование региона.

Представители современной российской историографии изучают социальную историю, основываясь на многонациональном характере Российской импе-

рии, в связи с чем появляются исследования по татарскому, башкирскому, северокавказскому и т.д. дворянствам. Приоритетным направлением современной российской исторической науки также является проблема социальных преобразований на перифериях в контексте имперской политики и особенности отношения центра и разнообразных окраин. Большой вклад в изучение социальной истории императорской России внес Б. Миронов [2]. В своем исследовании автор рассматривает широкий круг проблем по социальному строю империи под новым углом зрения. Тем не менее исследователь не приводит никаких сведений о дворянстве в азиатской России. Значимыми для нашего исследования являются исследовательские работы по инкорпорации элит периферий в дворянское сословие. В научных статьях московского историка Д. Арапова проанализированы механизмы формирования дворянства в империи и направления деятельности мусульманского дворянства [14]. В трудах С.М. Еникеева [15], А.З. Асфандиярова [16] разносторонне исследуются такие аспекты, как формирование дворянства в Уфимской и Казанской губерниях как составляющей части единого российского дворянства; правовые особенности татарских мурз в приобретении дворянского звания; формирование и социальные привилегии башкирских тарханов. Интересным для нас является также исследование А.Я. Ильасовой о башкирском дворянстве [17]. В указанной работе освещается процесс формирования башкирского дворянства и присущие ему особенности.

В современной историографии Казахстана также наблюдается попытка изучения казахской кочевой элиты в составе имперского социально-политического пространства, имеются исследования об отдельных личностях казахского дворянства. В работах И.В. Ерофеевой [18] и Ж. Касымбаева [19] на основе разнообразных источников делается реконструкция биографий представителей казахской элитарной группы, затрагиваются вопросы интеграции казахской элиты, формирования казахского чиновничества и т.д. В последнее время социальная трансформация казахского общества XIX века становится специальной темой исследований ряда казахстанских историков – Г.С. Султангалиева и Т.Т. Далаева [20], А. Еспенбетова [21]. Процесс формирования казахского чиновничества и его особенности хорошо представлены в современной казахстанской историографии упомянутых авторов. Помимо этого, в их работах освещаются некоторые аспекты таких проблем, как социальные изменения в Казахской степи и появление казахского дворянства, разрабатываются ранее слабоизученные исторические аспекты преобразования Степи в составе Российской империи, которые в настоящее время развиваются особенно интенсивно и являются перспективными в будущем.

Зарубежная историография с 1990-х годов впервые в мировой исторической науке начала основательно изучать проблему интеграции элит и ее роли в контексте имперской политики. Вместе с этим, важными направлениями в зарубежной историографии являются изучение имперских окраин, нерусского составляющего империи, восприятие имперской политики на местах. Все указанные тенденции являются ключевыми для нашего исследования.

Немецкий ученый А. Капеллер, являющийся автором фундаментального труда по новой имперской истории России, называет процесс интеграции элит ключевым элементом в строительстве многонациональной империи [22, с. 114], при этом в своей работе А. Капеллер отмечает, что процесс интеграции элит завершается XVIII веком. На наш взгляд, формирование новых сословий в Казахской степи, в том числе казахского дворянства, путем инкорпорации элит на протяжении XIX века доказывает продолжительность процесса интеграции элит в Российской империи, вплоть до ее крушения. Не менее важным является исследование другого немецкого ученого, Г. Фриза, о сословной системе Российской империи [1], где автор пересматривает установленный четырехсословный порядок Российской империи. В данных трудах изучение истории Российской империи приобретает новую окраску. Исследователи Д. Бурбанк и Ф. Купер в историческом труде «Empires in World history» [23] рассматривают проблему инкорпорации народов в имперское пространство в сравнительном аспекте. Выявляя отличительные методы по осуществлению инкорпорации местной аристократии разных империй, авторы детально описывают политику Российской империи в данном направлении. Формирование национального дворянства в составе высшего сословия империи также обращает на себя внимание зарубежных исследователей. В этом отношении вызывает интерес научная статья Келли Онейл [24]. Автор, исследуя процесс интеграции крымских мурз в состав дворянства, приходит к выводу, что Табель о рангах 1722 г. и Жалованная грамота дворянству стали значительными законодательными актами в создании национальных дворянских сословий. В зарубежной историографии также изучается такая особая категория, существующая в Российской империи, как почетное гражданство. В научном труде Элисон Смит [25] дается детальная характеристика сословия почетных граждан как промежуточного между высшим сословием – дворянством и непривилегированными остальными сословиями. Почетное гражданство было создано царским правительством намеренно, для усложнения механизма включения в дворянство, чтобы остановить наплыв в дворянское сословие «простолюдинов».

Подводя итоги степени изученности заявленной темы, можно сделать вывод о том, что, в отличие от хорошо изученной исторической наукой истории казахского чиновничества и заметных успехов, сделанных в изучении проблемы интеграции элит в целом, недостаточно изученным остается проблемы социального преобразования и формирования привилегированных сословий имперских окраин, в том числе Казахской Степи. Между тем проблема становления новых сословий в казахском обществе в контексте имперского управления нуждается в широком исследовании.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы через анализ процесса формирования новых социальных групп и механизма инкорпорации казахской элиты в привилегированные сословия Российской империи исследовать процесс включения казахского кочевого общества в социальную структуру российского имперского пространства в контексте политики царской администрации. Для достижения данной цели необходимо ответить на ряд вопросов: *Какой характер*

носила социальная политика Российской империи в отношении к Казахской степи? Каким образом казахское кочевое общество встраивалось в имперскую систему сословий? Как сформировались новые сословия среди казахского общества? Как шел процесс инкорпорации казахской элиты в состав привилегированных сословий империи? Каким образом менялось сознание казахского населения в составе новых категорий социальной дифференциации? Как воспринимали свой новый статус казахские дворяне и почетные граждане, идентифицировали ли они себя с привилегированным сословием империи?

Исследование базируется в рамках таких современных научных направлений, как новая империология, социальная история. В методологическом плане мы использовали сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы исследования, позволившие из сопоставления на основе извлеченных из источников и литературы фактов и данных рассмотреть исторические явления, события и процессы в развитии и взаимосвязи, увидеть трансформирующий характер и переход в другое состояние. Для изучения социального облика новых социальных групп в казахском кочевом обществе (чиновники, дворяне, почетные граждане) были применены биографический метод, анализ статистических материалов и т.д. Все перечисленные методы применялись в комплексе.

Для выявления полной картины была привлечена солидная источниковедческая база: архивные документы (прошения, рапорты, переписка административных должностных лиц, грамоты на дворянство и почетное гражданство, патенты на чины, дворянские родословные книги разных губерний, и т.д.), извлеченные из центральных архивов РФ (ГАОР, ГААО, ГБУСО «ЦГАСО», РГИА) и РК (ЦГА РК), законодательные акты, произведения казахских акынов и т.д. Анализ названных источников стал гарантией проведения достоверных, объективных исследований.

Новая система управления – новые сословия

Процесс целенаправленного внедрения Казахской Степи в сословную систему Российской империи начался с административно-территориальных реформ начала XIX века. Эти реформы являлись важным показателем деятельности имперской власти, стремившейся в этот период создать однородную государственную систему. Но следует отметить, что предполагалась только внешняя гомогенизация структуры управления, на самом деле царская власть намеренно поддерживала среди народов империи разнообразие. Формула «эквивалент по форме и неравные в статусе» стала важным элементом в имперской политике по отношению к разным группам [26]. Процесс включения Казахской степи в единообразную имперскую систему управления и социального устройства является ярким примером данного утверждения: юридически казахское общество приблизилось к модели империи, но в действительности новые сословия из казахского населения имели иной характер, поскольку обладали традиционными признаками.

Социальная политика правительства в этот период по отношению к казахскому обществу была направлена на включение Казахской степи в законодательное пространство империи и на кооптацию региона в систему общеимперского управления Рос-

сии. Проводились активные, целенаправленные мероприятия по реорганизации местного административно-территориального управления Степи. Благодаря переменам в местном управлении был введен социальный уклад, соответствовавший российской политической и экономической структуре.

В результате действий правительства в этом направлении ханская власть была ликвидирована. В 1822 году Уставом о сибирских казахах и в 1824 году Уставом об оренбургских казахах соответственно в Среднем и в Младшем жузах были разрушены традиционные системы управления в казахском обществе. Согласно новому положению, старшие султаны (Средний жуз) и султаны-правители (Младший жуз), т.е. элита традиционного казахского населения, в рамках имперской системы управления превратились в самую влиятельную социальную группу в Степи. Следствием этих процессов стало постепенно социальное преобразование казахского кочевого общества.

*Каким образом казахское кочевое общество
встраивалось в имперскую систему
сословий? Как сформировались новые
сословия среди казахского общества?*

Основой для формирования новых сословий в Степи стали указанные выше реформы, в результате которых на казахские земли распространилось имперское законодательство. Согласно Уставам 1822 и 1824 гг., была преобразована административно-политическая система Казахской степи, которая основывалась на имперской чиновничьей системе. Эта система управления в Казахской степи и включение в этот процесс представителей казахского народа создали условия для преобразования социальной организации казахского кочевого общества и появления новых социальных групп, а также для перехода от клановых связей на основе родства к осознанию новых приоритетов в структуре социального пространства империи. Но следует отметить, что реформы начала XIX века в Казахской степи лишь в малой степени учитывали социальное положение в регионе – главной целью этих законодательных актов было приближение к имперскому управлению и эффективное включение Степи под общую юрисдикцию империи.

Регулировали и контролировали процесс вхождения казахов в систему чинов, а затем и в имперский сословный порядок как общие имперские законы о сословиях (Табель о рангах 1772 г., Свод законов, Т. 9, Жалованная грамота и т.д.), так и специальные законодательные акты для Степи (Устав о Сибирских киргизах 1822 г., Утвержденное мнение 1824 г., Реформы 1867–68 гг.). Так, на основании Устава 1822 г. и Утвержденного мнения комитета 1824 г. администрации Оренбургской и Западносибирской областей провели административно-территориальную реорганизацию своих территорий. Согласно действовавшему законодательству, территория казахов Сибирского ведомства была разделена по образцу имперской – на округа, волости и аулы. Территория проживания казахов Среднего жуза и отдельных родов Старшего жуза с 1822 по 1840-е гг. входила в Омскую область, которой управлял областной начальник и которую в 1854 г. разделили на Семипалатинскую и Область сибирских киргизов. Области, в свою очередь, делились на 4 внутренних и 7 внешних округов. Каждый округ состоял из 15–20 воло-

стей, волости – из 10–12 административных аулов. Каждый аул насчитывал 50–70 кибиток [27]. Области возглавляли военные губернаторы, округа – окружные приказы под руководством «старших султанов», волости – волостные султаны, административные аулы – аульные старшины. Территория Оренбургского ведомства была разделена на три части, которыми также управляли султаны из казахов – султаны-правители. Части делились на «дистанции», а те – на «административные аулы». Части возглавляли султаны-правители, дистанции – дистанционные начальники, административные аулы – аульные начальники. Все они назначались царской администрацией из казахов и подчинялись оренбургскому генерал-губернатору [28]. Такая сложная система управления показывает, что царская власть на территориях Казахской степи проводила разного рода политику, в зависимости от имперских целей, а также расположения и степени «лояльности» той или иной территории. Примечательно, что административные единицы были сформированы по границам территории казахских родов и среднее звено администрации занимали султаны – традиционная элита казахского общества.

Помимо должностей старших султанов и султанов-правителей, в системе пограничного и местного управления для представителей казахского населения были созданы такие штатные должности, как казахские заседатели Оренбургской пограничной комиссии (1799–1859), советники от казахского населения в Пограничном управлении сибирскими казахами (1838–1854), помощники султанов-правителей (1824–1868), казахские заседатели внешних окружных приказов Области сибирских казахов (1824–1869), дистанционные и местные начальники (1831–1869), волостные управители (1822–1917) и др. [29, с. 2–4]. Все эти казахские чиновники обладали атрибутами чиновника административного аппарата империи: казенное жалование, офицерские и генеральские чины, право ношения мундира и знаков отличия, ордена, медали, награды. Важным в формировании новых сословий в казахском обществе являются следующие строки законодательства: в параграфе 51 Устава о сибирских киргизах (1822) отмечено, что «старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности» [27, с. 419]. Более того, в следующем параграфе (52) подчеркнуто: «... и ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи» [27, с. 419]. Так в управлении Казахской степи был заложен механизм получения имперских чинов, основанный на «Табеле о рангах», более того, заметна политика имперской власти, старающейся поддерживать преимущественное положение местной элиты. В результате этих нововведений казахи получали чины и продвигались на государственной службе, превращаясь в чиновников империи. Таким образом, казахи, занимавшие имперские должности на местах, были вовлечены в чиновническую систему империи, что, в свою очередь, открывало им путь к приобретению дворянского достоинства и почетного гражданства.

Следует отметить, что в процессе реформирования Казахской степи Российская империя использовала механизмы сложного взаимодействия между «традиционным» и «новым». Казахские чиновники,

занимавшие должность в местном управлении, оставались кочевниками и продолжали жить в родоплеменном устройстве. Даже приобретая высокие чины и дворянский титул, казахский султан прежде всего оставался чингизидом, представителем кочевой аристократии. Признание царской властью преимущественного положения и благородного происхождения султанов, стремление выделить их свидетельствовало о том, что в начале социальной трансформации Степи имперская власть старалась опираться на традиционные ценности, учитывать особенности кочевого жизнеустройства и культуры местного населения. Взаимодействие «кочевого» и «имперского» способствовало появлению среди казахского кочевого общества таких новых социальных групп, как *чиновники, дворяне и почетные граждане*. Прежде всего это проявилось в численном преимуществе традиционной аристократии в составе новых привилегированных сословий. Желая сохранить свои элитарные привилегии и особенности, кочевая аристократия казахского общества адаптировалась к новому устройству внутри имперской административной системы. Представители ее занимали руководящие должности, созданные имперской властью на местах, встраивались в чиновническую систему, подавали прошения о возведении во дворянство или почетное гражданство и пытались пользоваться привилегиями этих сословий, и вместе с этим, знакомили остальную часть населения с имперским устройством и способствовали положительному восприятию ими царской власти. Самое интересное, что представители казахских привилегированных сословий посредством приобретения сословных преимуществ пытались сохранить традиционное жизнеустройство. К примеру, в конце XIX и начале XX вв. в своих ходатайствах казахские дворяне и почетные граждане, ссылаясь на свою «верную службу» и «благородное происхождение» своих родов, просили правительство отвести им и их потомкам в собственность земли «в повышенной норме» для сохранения традиционного скотоводческого хозяйства. При этом представители царской власти, в частности генерал-губернатор, эти прошения рассматривали как достойные внимания, более того, генерал-губернатор указывал на значимость крупных скотоводческих хозяйств и отмечал, что «интересы государства требуют не ухудшения, а улучшения условий развития скотоводческого промысла» [30]. Однако решение дела было приостановлено до окончания войны.

В результате политических преобразований и распространения чиновнической системы (Табели о рангах) на территории Казахской степи разрушалась не только традиционная политическая система управления, но и трансформировался социальный строй казахского общества. Инкорпорация местной казахской аристократии (султанов) в привилегированные сословия посредством службы стало начальным этапом в изменении социальной структуры казахского общества; включение остальной части населения в имперское устройство происходило со второй половины XIX века.

Инкорпорация казахской элиты в состав привилегированных сословий империи – дворянства и почетного гражданства

Одной из особенностей имперского государства является использование для управления разными

обществами, территориями и культурами посредников, в качестве которых могли выступать региональная русская администрация, родственные народы, местная элита и т.д. Осуществляя царскую политику на местах, посредники были необходимым элементом в строительстве империи и придавали гибкость правительственным мероприятиям в регионах. В этой связи необходимо подчеркнуть огромную значимость инкорпорации элит как для эффективности имперской политики на окраинах, так и для местной аристократии для сохранения своих элитарных привилегий. В исследованиях, основанных на подходе «новой имперской истории», процесс интеграции элит является центральным в строительстве империи. К примеру, по утверждению Андреаса Каппелера, именно в проблеме взаимоотношений между метрополией (и ее правящими элитами) и периферийными элитами кроется ключ к основополагающим вопросам функционирования империй [31, с. 17]. По определению того же Каппелера, казахская элита относится к группе периферийных элит, которые «были деклассированы не только политически, но и социально, т.е. не были равными по статусу и не кооптировались в имперскую элиту» [31, с. 25]. Несмотря на особенности формирования и своеобразие казахского дворянства, процесс инкорпорирования казахской элиты в состав дворянства и почетного гражданства происходил постепенно на протяжении XIX века. Казахские султаны, хотя и не были приравнены к российскому дворянству, с самого начала трансформационных процессов в Степи имели привилегированное положение. К примеру, согласно реформам 1822 и 1824 гг., только выходцы из султанов занимали должность в среднем звене местного управления: все султаны-правители Младшего жуза были султанами, и большинство старших султанов также являлись чингизидами. Более того, как показывают исследования по казахскому дворянству, подавляющее большинство казахских дворян происходило из местной аристократии. Согласно материалам дворянских собраний Оренбургской, Астраханской и Самарской губерний, 97% казахских дворян данных губерний происходили из казахской кочевой аристократии [32–34].

Социальная трансформация Степи началась именно с инкорпорации местной элиты в состав дворянства и почетного гражданства и базировалась она на чиновнической системе империи. Казахское дворянство, так же, как и другие национальные дворянства империи (польское, татарское, калмыцкое и т.д.), формировалось из представителей местной элиты и чиновничества, удостоенных наград, чинов и орденов, позволяющих получить дворянское достоинство. Более того, согласно выводам авторов труда «Russia's empires», во многих перифериях, таких как Волга, Сибирь, Южный Кавказ и Центральная Азия, интеграция остановилась на элитах и не включала крестьян или кочевое население, которые оставались в своей племенной, этнической и религиозной идентичности [26, p. 124]. Трудно не согласиться с этим мнением. Представители местной элиты не только способствовали проведению имперской политики в регионах, но и демонстрировали пример адаптации к новым политическим и социальным преобразованиям.

При анализе процесса интеграции казахской элиты в состав дворянского сословия империи интерес

вызывает посредническая роль других мусульманских народов, уже прошедших этот путь. Речь идет о татарах, башкирах, которые в делопроизводстве обобщенно назывались «татарами». В свое время еще дореволюционный автор Добросмыслов отметил важную роль татар во вхождении Казахской степи в имперскую систему таким образом: «...политика по отношению к киргизам, как во время предшествующее Екатерине II, так и в Ея время и еще долгое время спустя, была одна и та же, или, говоря иными словами, чего мы русские, сами не могли уладить с киргизами, то улаживали татары ... при помощи татар и башкир мы приручили киргиз, сделали их гражданами Русской империи, а затем, когда этого достигли, явилась уже возможность насаждать среди них и русскую культуру» [8]. Татары сыграли значительную роль во вхождении представителей казахского общества в чиновническую систему, далее и во внедрении в казахском обществе нового социального порядка. Вместе с тем, они и сами продвигались по карьерной службе, приобретая чины и титулы [35]. Представители казахской элиты увидели в татарах модель мусульманского чиновничества, мусульманского кочевого дворянства империи, что в результате привело к кооптации и самих казахов в систему Российской империи. Казахские султаны обнаружили возможность сохранить свои привилегии и земли при вхождении в российское дворянство.

Процесс инкорпорации казахской кочевой элиты в привилегированные имперские сословия носил своеобразный характер, в зависимости от хозяйственных и культурных особенностей. Включение «иностранцев» в состав российского дворянства являлось общероссийской тенденцией, начиная с XVIII века. Но формирование казахского дворянства в отличие от других национальных дворянств началось поздно, в начале XIX века, и имело затяжной характер: казахские чиновники включались в дворянство и почетное гражданство вплоть до начала XX века.

Как происходил процесс вхождения казахских султанов в привилегированные сословия империи?

История формирования казахских привилегированных сословий в составе имперской социальной системы начинается с включения казахской знати в состав Российского дворянства. В Казахской степи данный процесс, так же, как и по всей территории империи, регулировался законами о дворянстве (Табель о рангах, 9-й том Свода законов о состояниях, Жалованная грамота) и начался с введением Устава 1822 года. Согласно последнему узаконению, казахские чиновники, занимающие имперские должности в степном управлении, в частности султаны, посредством военной или гражданской службы могли приобрести дворянство или почетное гражданство. Пути приобретения казахскими чиновниками дворянского титула или почетного гражданства не были расписаны в специальных законодательных актах Степи начала XIX в. и регулировались общими имперскими законами о сословиях. По Своду законов Российской империи *потомственное и личное дворянство* до начала XX в. приобреталось тремя путями: 1) пожалованием его по особому усмотрению самодержавной власти; 2) достижением определенного чина (военного или гражданского) на действительной служ-

бе; 3) в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами [36]. *Почетное гражданство* также приобреталось тремя способами: 1) по рождению (дети личных дворян, церковнослужителей и т.д.); 2) путем просьбы причисления к данному сословию (например, по образованию); 3) по получению определенных чинов. Как видим, основным критерием для получения нового социального статуса (дворянства или почетного гражданства) была служба. Законы также определяли пути получения дворянства, права и статус дворянина, доказательство о дворянстве или почетном гражданстве.

В процессе социальной трансформации Степи султаны, занимавшие высшую позицию в традиционном казахском обществе, являлись основными кандидатами на дворянство. Именно поэтому царские чиновники видели в султанстве социальную опору в Степи. Тем не менее, как было отмечено ранее, имперские законы не приравнивали казахских султанов ни к одному разряду дворянства, так же, как и башкирскую элиту – тарханов. Однако, в отличие от них, татарские мурзы и мишарские татары стали частью российского дворянства. Здесь следует отметить намеренно дифференцированный характер царской политики по отношению к мусульманским и кочевым народам.

Таким образом, в силу территориальных, хозяйственно-культурных особенностей, новое сословие в казахском обществе – дворянство, вбирая в себя некоторые качества имперского сословия и сохраняя традиционные кочевые свойства, имело отличия и в процессе формирования и в характере:

– По сравнению с другими дворянскими группами в составе мусульманского нобилитета (татарское, башкирское дворянства) процесс интеграции местной знати в казахском обществе начался позже – в начале XIX века.

– Традиционная элита казахов – султаны – не были приравнены к российскому дворянству, поэтому существовал единственный путь вхождения в привилегированное имперское сословие – выслуга. Только с приобретением определенных чинов, установленных имперскими законодательством, казахский султан мог получить дворянский титул.

– В составе казахского дворянства, в отличие от башкир, преобладала местная аристократия, что объясняется тем, что, согласно реформам начала XIX века, султаны получили преимущественное право получения местных административных должностей.

– Казахские султаны получали военные чины, а некоторые дослужились даже до генералов Российской империи (Б. Айшуаков, М. Баймухамедов и т.д.), хотя не были на военной службе. А основная часть башкирского дворянства на военной службе империи была, при том что военный уклад жизни башкирского и казахского общества очень похожий. И здесь наблюдается дифференциация в политике инкорпорации родственных народов окраин.

– Неаристократические элементы в состав казахского дворянства начали внедряться со второй половины XIX века, когда новые реформы стали способствовать ослаблению местной элиты. Некоторые старшины и волостные управители вошли в состав дворянского сословия, но их процесс инкорпорации имел иной характер.

– У казахских чиновников были слабые представления о сословном устройстве, и в частности – о дворянстве; многие из них, приобретая нужные чины, не подавали прошения о возведении в дворянство. В связи с этим особый интерес представляет период с конца XIX и начала XX вв. Именно в это время большинство казахских султанов и чиновников начали подавать прошения в Дворянское собрание определенных губерний о приобретении дворянского титула. С чем это связано? В результате анализа ряда документов, а именно прошений казахских дворян Оренбургской, Самарской, Астраханской губерний, нами были выявлены причины этих многочисленных прошений: 1) активно развивающаяся в этот период переселенческая политика Российской империи привела к отъему казахских земель в пользу переселенцев; 2) рост числа казахов, получивших русское светское образование, обусловил расширение понятия о сословных привилегиях.

– Процесс инкорпорации был остановлен крушением имперской власти. В XIX веке среди казахских новых сословий произошла эволюция понятий об имперской сословной системе.

– Казахское дворянство не пользовалось полноценно сословными правами: не все казахские дворяне имели в собственности землю, только наиболее сильные дворянские казахские роды получали освобождение от податей, лишь некоторые имели гербы и т.д. Самое интересное, что, даже имея дворянский титул, казахский дворянин-султан испрашивал и получал сословные привилегии за «заслуги рода», «влияние среди народа».

Казахские султаны, приобретая дворянский титул, становились частью общего российского дворянского сословия и формально получали равные с ним права. На основе Переписи населения 1897 года мы определили численность казахского дворянства в конце XIX века. Согласно Переписи населения, всего дворян из казахов насчитывалась 1009, из них потомственные дворяне с семьями – 881, личные дворяне и чиновники не из дворян – 128, почетные граждане (потомственные и личные) – 188. Большинство казахских дворян были из Акмолинской области, а в процентном соотношении дворяне из казахского населения преобладали в Тургайской области.

Инкорпорация местной элиты в социальную систему Российской империи в процессе строительства империи представляла собой начальную ступень целостной схемы. Вначале царское управление проявило желание принять локальные определения социальных категорий, видя социальную опору в региональной элите, и использовало их как орудие стандартизации. Но спустя несколько лет, обеспечив безопасность окраинных территорий, имперское правительство стало в меньшей степени считаться с местными особенностями. Что и произошло в Казахской степи. Во второй половине XIX века царское правительство берет другой курс в управлении Степью: теперь администрация считает правильным акцентировать внимание на личных качествах чиновника из казахов, в частности, высоко оцениваются «верность службе», «честность», «образованность» и т.д. Новый курс царского правительства можно объяснить всеобщей тенденцией империи к уравниванию сословий периода «великих реформ», направленных на

усиление роли российского чиновничества в национальных регионах Российской империи. В связи с этим представители простого казахского населения получают право на власть и возможность включиться в привилегированное общество посредством верной службы. Эта тенденция стала наиболее революционной в понимании традиционного казахского общества.

Восприятие нового социального устройства казахским обществом

Царское правительство попыталось ввести традиционную для Российской империи бюрократическую административную систему управления, по которой управленческие посты занимали личности, наиболее подходящие для этой деятельности. Однако на практике данная система подверглась сильному влиянию традиционной системы управления кочевников. Любые политические или социальные мероприятия царской власти видоизменялись в зависимости от восприятия местного кочевого общества. Как отмечает американский историк В. Мартин, кочевые казахи были активной составляющей российской власти в Степи. Автор доказывает свое утверждение на примере обычного права казахов, которое продолжало существовать внутри российского управления, отвечая вызовам нового социально-политического устройства [37]. В действительности, новое социальное положение, введенное имперским правительством, также претерпевало изменения в интерпретации кочевников-казахов. Казахское кочевое общество постепенно адаптировалось к социальным нормам империи, кооптировалось в состав сословий чиновников, дворян и почетных граждан, но вместе с тем сохраняло некоторые традиционные устои в новых для него условиях. Инкорпорируясь в состав высших сословий, казахская элита пыталась сохранить не только привилегии, но и традиционные для кочевого общества родоплеменные связи, хозяйство, культурные ценности. Внутри российского управления местные казахские чиновники придерживались своих традиционных взглядов. К примеру, казахские должностные лица в местном управлении пытались сохранить право наследования, хотя властью это не приветствовалось. Так, сын султана-правителя Западной части Баймухамеда Айчувакова также стал занимать эту же должность в Средней части оренбургских казахов, а потомки дворянина Д. Беркимбаева на протяжении нескольких лет занимали должность волюстного султана. Переход власти от отца к сыну и создание династии чиновников в среде казахов поддерживались народом. С учетом таких особенностей внутри трансформирующегося казахского общества XIX века возникает ряд интересных вопросов: Как воспринимали представители казахского населения титул и привилегии дворянства, почетного гражданства? Идентифицировали себя в качестве новых социальных групп, отделенной от кочевой общины, рода, жуза или продолжали себя воспринимать частью казахского кочевого общества?

Процесс адаптации традиционного казахского кочевого общества в структуре российского имперского пространства на протяжении XIX века происходил через изменения стереотипов сознания казахского населения, трансформации традиционной культуры и формирования новой программы деятельности

представителей казахской элиты посредством появления в Степи таких новых социальных групп, как казахские чиновники, казахское дворянство, почетные граждане. Как утверждает казахстанский исследователь Г.С. Султангалиева, осознание казахскими чиновниками принципов взаимодействия с русской властью, принятие новых форм сотрудничества с российской администрацией являются свидетельством достаточной интеграции казахов в реалии бюрократической системы империи [38, с. 674]. На протяжении XIX века наблюдается трансформация ментальных ценностей, обычаев, моделей поведения представителей дворянского сословия из казахов. Если в первой половине XIX века приобрести дворянский титул стремились немногие казахские чиновники, причем даже имевшие необходимый для этого чин, и многие не были осведомлены о привилегиях, которые этот чин дает, то со второй половины XIX века наблюдается множество прошений казахских чиновников о причислении к дворянству или почетному гражданству, что свидетельствует о расширении понимания чиновнической и сословной системы империи. В этот же период изменились представления казахов о светском русском образовании, в котором перестали видеть опасность. Со второй половины XIX века представители казахской администрации старались дать своим детям русское светское образование и высоко ценили привилегию для дворян в образовательной деятельности. Такого рода перемены нетрудно заметить в прошениях, письмах казахских дворян, почетных граждан к русской администрации о принятии родственников в те или иные учебные заведения империи. Например, казахский князь Сагиб Гирей Чингисов просил русское правительство пристроить своих братьев в Пажеский корпус, т.к. их статусу соответствует именно это учебное заведение [39, с. 27]. Это обстоятельство говорит об осведомленности казахского князя о престижных имперских учебных заведениях, а также о знании привилегий титулованного дворянства (только представители титулованного дворянства могли учиться в Пажеском корпусе).

Представители казахских новых сословий (дворянства и почетного гражданства) старались пользоваться и ценили те привилегии, которые для них были понятны и соответствовали традиционному казахскому мировоззрению. Казахские чиновники, получившие светское образование, встроившиеся в имперский управленческий строй, хорошо знакомые с русской культурой, призывали остальное население принять новые социальные ценности, т.к. в противном случае они окажутся неспособными для самоуправления. Это позволяет утверждать, что социальная динамика имела место в Казахской степи на протяжении XIX века. В казахском обществе этого периода заметны изменения в представлениях о технологии знания и власти, адаптация к имперскому сословному устройству.

Но позволяя проникать новым устоям в свои традиционные хозяйственно-культурные нормы, казахское общество оказалось в переходном периоде от «кочевого» к «имперскому». Формировавшиеся новые сословия из казахов продолжали существовать в системе родоплеменного устройства. Для остального населения казахские дворяне или почетные граждане

воспринимались как «торе», «султан», иногда даже «хан». Творческая деятельность казахских поэтов XIX века свидетельствует о восприятии местного казахского населения таких казахских дворян. Простые казахи воспринимали их только как традиционную элиту, продажных чиновников. Казахские поэты в своих произведениях сообщают об имперских наградах, чинах, титулах, приобретенных султанами, но в их понимании они не имеют ценности среди казахского населения. В произведениях поэтов, описавших некоторых представителей казахского дворянства, воспеваются великие казахские ханы, лучшие воины и политики и говорится об изменении качества их потомков-султанов, которые стали алчными, жадными, даже «предателями своего народа» [40–42]. Из этого можно сделать вывод, что деятельность местной элиты, адаптировавшейся к новым условиям и сохранившей элитарные свойства, не в полной мере была принята казахским населением. Более того, изменения в представлениях, ментальности и восприятии происходили в основном в среде казахских чиновников, дворян и почетных граждан, т.е. среди казахов, которые имели какие-то контакты с «имперским миром». Мировоззрение остальной части населения не изменилось, и оно продолжало жить в традиционных для него условиях.

Сами казахские дворяне и почетные граждане не идентифицировали себя с высшим сословием империи, не отделяли себя от кочевого казахского общества. Вхождение в эти сословия давало казахским чиновникам некоторые привилегии, необходимые для них в определенный период, и таким образом они пытались сохранить позицию в самоуправлении. Казахские дворяне и почетные граждане использовали свои титулы, только когда имели дело с имперской властью: в официальной переписке с администрацией, во время депутатии в Санкт-Петербург и т.д.

Заключение

Региональная политика царской власти в XIX веке преследовала цели политической и социально-экономической интеграции страны, о чем уже давно известно в историографии [43–45]. В связи с этим имперское правительство начало активные мероприятия по преобразованию Казахской степи и включению ее под юрисдикцию империи. На протяжении XIX века вместе с широкомасштабными реформами по административному управлению Степи произошли значительные перемены в социальном устройстве казахского общества: появились новые сословия из среды казахского народа – чиновники, дворяне, почетные граждане. Эти сословия, включая в себя традиционно-кочевые и имперские свойства, в рамках имперской политики имели следующие характерные черты:

– Процесс формирования новых сословий, начиная с инкорпорации степной элиты, по сравнению с другими регионами мусульман и кочевников (татар, башкир, калмыков), начался поздно, только в XIX веке.

– Становление новых сословий из казахов, как правило, начиналось с инкорпорации кочевой аристократии в высшее сословие империи – дворянство. Но местная элита – султаны – не были уравнены в правах с российским дворянством и имели единственный путь приобретения дворянского титула посредством военной или гражданской службы.

– Новые сословия – казахские дворяне и почетные граждане – не имели прав и статуса, соответствующих их сословиям.

– Становясь чиновниками империи, дворянами или почетными гражданами, представители казахов продолжали жить в родоплеменном кочевом строе и сохраняли традиционные ценности своего общества.

– Процесс адаптации традиционного казахского кочевого общества в структуру российского имперского пространства в XIX веке через формирование таких новых социальных групп, как казахское дворянство, почетные граждане, разрушает утверждения о том, что казахское кочевое общество было закрытым и не было инкорпорировано в имперское социальное пространство вообще.

– Появление новых сословий, в частности казахского дворянства, можно рассматривать как результат дифференциации общества, роста его внутреннего разнообразия.

– Исследование истории казахского дворянства позволяет утверждать, что социальная динамика в Казахской степи имела место на протяжении всего XIX века.

– Казахское общество вплоть до начала XX века продолжало вести кочевой образ жизни, и царская власть сохраняла местное самоуправление, основанное на традиционных родовых связях. Это хозяйственное отличие и являлось основной причиной неполноценной интеграции казахского кочевого общества в имперскую социальную систему.

– Фундаментальные изменения в Казахской Степи и появление новых социальных явлений и групп влияли и постепенно изменяли общественное сознание казахского кочевого общества на протяжении XIX века. Хотя традиционные клановые отношения продолжали существовать, казахские представители имперских чиновников осознавали новые приоритеты в структуре социального пространства Империи.

– Во второй половине XIX века, в соответствии с общеимперской политикой, направленной на постепенное уравнивание всех сословий в базовых правах и обязанностях, русская администрация в Степи старалась ослабить влияние и преимущества местной элиты и тем самым усилить роль российского чиновничества в национальных регионах Российской империи. Данная политика правительство дала возможность казахам неаристократического происхождения войти в состав привилегированного сословия, что кардинально меняет сознание кочевника-казаха об элите.

Таким образом, трансформация политической обстановки в Казахской степи повлекла за собой изменения в социальной структуре казахского общества. В кочевом обществе казахов появились новые сословия по примеру имперского социального устройства и начало меняться сознание общества и восприятие имперских устоев жизни, в основном представителей новых казахских сословий. Этот процесс был началом внедрения в казахское кочевое общество европейских социальных кодов.

Список литературы:

1. Gregory L. Freeze The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social history // The American Historical Review. 1986. Vol. 91, № 1. P. 11–36.

2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд., исп. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 568 с.

3. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Новый хронограф, 2009. 732 с.

4. Ключевский В.О. История сословий в России. Соч. Т. 6. М.: Мысль, 1959. 486 с.

5. Яблочков М. История дворянского сословия в России: Соч. канд. прав Михаила Яблочкова. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. 680 с.

6. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М.: БИМПА, 1991. 250 с.

7. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 289 с.

8. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения Императорского русского географического общества. Вып. № 17, Т. 1. Тверь: Типо-литография Н.М. Радионова, 1902. 524 с.

9. Крафт И.И. Из киргизской старины. Оренбург: Типо-лит. Ф. Сачкова, 1900. 168 с.

10. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 309 с.

11. Асфендияров С.Д. История Казахстана. Алма-Ата: Казак университети, 1993. 304 с.

12. Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН СССР, 1957. 337 с.

13. Зиманов С. Политический строй Казахстана первой половины 19 века и Букеевское ханство. Алматы: Арыс, 2009. 419 с.

14. Арапов Д.Ю. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. 1999. № 3. С. 4–5.

15. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 2007. 350 с.

16. Асфендияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.

17. Ильясова А.Я. История Башкирского дворянства: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010. 208 с.

18. Ерофеева И.В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы. Алматы: Фонд Мухтара Аузова, 2013. 308 с.

19. Касымбаев Ж. Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847). Книга первая. Алматы: Өлке, 2000. 188 с.

20. Султангалиева Г.С., Далаева Т.Т. Диплом на дворянское достоинство султану // Исторический архив. 2014. № 4. С. 174–186.

21. Еспенбетова А.М. Формирование новых сословий в казахском кочевом обществе в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2011. 31 с.

22. Каппелер Андреас. Россия – многофункциональная империя. Возникновение. История. Распад. (Перевод с немецкого языка С. Червонная). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

23. Burbank J., Cooper F. Empires in World history. Princeton: Princeton University Press, 2010. 551 p.

24. O'Neill K. Rethinking elite integration. The Crimean murzas and the evolution of Russian nobility // Cahiers du Monde russe. 2010. Vol. 51/2–3. P. 397–418.

25. Alison K. Smith Honored Citizen and the creation Class in imperial Russia // *Slavic review*. 2017. № 2. P. 14–31.
26. Valerie A. Kivelson, Ronald Grigor Suny Russia's empires. New York-Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 p.
27. Устав о Сибирских киргизах. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1, том 38, № 29127.
28. Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем 1824 года. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1 / сост. М.Г. Масевич; отв. ред. С.З. Зиманов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 441 с.
29. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост. Т.Т. Далаева, С.К. Удербая. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 418 с.
30. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Д. 3092. Л. 13–30.
31. Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 17–58.
32. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Д. 91.
33. Государственный архив Архангельской области (ГАОО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 2124.
34. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 1047.
35. Sultangalieva G.S. The Russian Empire and intermediary role of Tatars in Kazakhstan. The politics of cooperation and rejection // *Asiatic Russia: imperial power in regional and international contexts* / ed. by U. Tomahiko. London and NY: Taylor and Francis group, 2012. P. 52–79.
36. Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1857.
37. Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond (Surrey): Curzon, 2001. 244 p.
38. Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи 19 века: особенности восприятия власти // *Cahiers du Monde Russe*. 2015. Vol. 56/4. P. 651–679.
39. Мукатаев Г.К., Ирхина М.В. Султан Губайдулла Чингисхан полный генерал от инфантерии. СПб.: Издательство М.И. Ирхиной, 2003. 158 с.
40. Исатай-Махамбет. 1801–1848. Документы. Алматы, 2003. 445 с.
41. Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Слова назидания / Пер. с каз. С. Санбаева. Алма-Ата: Жалын, 1983. 160 с.
42. XIX ғасыр әдебиеті // Литература 19 века / сост. К. Суюнчалиев. Алматы: Ана тілі, 1992. 224 с.
43. Любичанковский С.В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации // *Вопросы истории*. 2018. № 5. С. 125–136.
44. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, Is. 3. P. 970–979.
45. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151–165.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–39–50001.

NEW ESTATES AND SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE KAZAKH STEPPE IN THE 19TH CENTURY

© 2019

Tuleshova Ulzhan Zhangel'dynovna, doctoral candidate of History, Archeology and Ethnology Faculty
Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Abstract. In empire-building of the 19th century the Russian power had a priority task that was to build a uniform political and social system across all imperial territory which included absolutely different regions. The Kazakh steppe as a part of the empire represented a cultural type distinctive from the center, based on nomadic lifestyle. In the background of difficult methods of construction of the unified empire, one of important questions was the state policy promoting creation of a socio-political system in the Kazakh steppe which would be most approximate to the empire model. This paper investigates the nature of social changes and process of new estates formation (the nobility and honorable citizens) in the Steppe in the context of administrative, social policy of the Russian government. Social changes on the Kazakh lands began with transformation of the administrative-territorial structure of the region at the beginning of the 19th century. With introduction of new legally fixed form of political management and inclusion of the Kazakh region in the rang system of the empire traditional social order of Kazakhs was transformed, and new estates on an imperial sample as officials, noblemen and honorable citizens began to form. Actually the process of formation and character of these estates among Kazakh nomads differed from social groups of the settled and agricultural people. The symbiosis of traditional nomadic and imperial social features was observed, at that time the imperial government maintained distinctions among the incorporated groups. The important aspect in social transformation of the Kazakh steppe was incorporation of the Kazakh elite in privileged estates (the nobility and honorable citizens) of the Russian Empire. In this connection, the paper represents the process of entry of the Kazakh sultans into nobility of the empire and features of the Kazakh nobility. The paper also considers the process of adaptation of local population to new social transformations. Their study will allow to reveal characteristics of imperial methods in the region and perceptions of the new social system by the Kazakh population, extent of their identification with imperial estates.

Keywords: social policy of Russian Empire; privileged estates of Russian Empire; administrative reforms in Kazakh steppe; incorporation of Kazakh elite; sultans; hereditary and personal nobility; honorable citizens; noble title; social adaptation.